
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XIV

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 130-летию монголоведа, публициста, дипломата,
академика АН СССР Ивана Михайловича Майского (1884—1975)

St. Petersburg
2015

Б. С. Дугаров

Тэнгристская мифология: пантеон божеств и эпическая интерпретация

В данной статье исследуется пантеон божеств в бурятской мифологии, связанной с культом неба. В сравнительном плане рассматривается эпическая интерпретация мира богов, содержащаяся в небесном прологе эпоса «Гэсэр». Автор приходит к выводу, что бурятская сакральная традиция сохранила многие элементы древнего аксиологического фонда монгольских народов. Настоящая статья представляет интерес для фольклористов, этнографов и культурологов.

Ключевые слова: пантеон, мифология, сакральная традиция, небесный пролог, Гэсэриада, культ неба.

Будучи древнейшей формой освоения мира, тэнгристская (от слова *тэнгри* — ‘небо’, ‘небожитель’) мифология как система уранических представлений монгольских народов вобрала в себя многие важные приоритетные элементы традиционных народных верований и культов. Их сакральная часть нашла выражение в пантеоне небесных божеств — тэнгриев, венчающем собой мифологическую картину земного мироздания. Концептуальный же характер самого пантеона исходит из антропоморфических образов божеств, чей персонажный ряд характеризует особенности этнокультурной традиции, связанной с культом неба.

Первым из монголоведов, обратившим внимание на тэнгристскую мифологию монгольских народов, был бурятский ученый Доржи Банзаров. Опираясь на довольно ограниченный круг источников, состоящих главным образом из шаманско-буддийских обрядников, он сумел на высоком научном уровне очертить контуры исконных религиозно-мифологических представлений монгольских кочевников, отличительной чертой которых являлся культ неба. Принципиально важным представляется вывод ученого об имманентности «черной веры монголов», источником которой было двуединство внешнего мира — природы и внутреннего — духовного мира кочевника в их онтологическом взаимодействии [Банзаров, 1955. С. 52]. При анализе различных аспектов культовой мифологии монголов в контексте их этнокультурной истории Д. Банзаров впервые определил пантеон небесных божеств — тэнгриев, игравших значительную роль в кочевническом обществе.

Как признается сам ученый [Банзаров, 1955. С. 76], «подробное описание всех тэнгриев составило бы очень любопытную статью, потому что все страсти народа явились бы в лицах. Но я принужден ограничиться упоминанием только главных тэнгриев». Тем не менее и на сегодня работа «Черная вера, или ша-

манство у монголов» Д. Банзарова, которая считается его основной работой, сохраняет бесспорную научную ценность и актуальность. Более того, она приобретает особую значимость в научных изысканиях, посвященных сакральным аспектам в этнокультурной традиции монгольских народов, в частности, изучению пантеона небесных божеств. Труд Д. Банзарова, впервые в востоковедении обозначавший монгольский тэнгризм как объект самостоятельного научного изучения, служит важной отправной точкой в исследованиях по этой сложной проблеме.

По всей вероятности, следуя примеру своего именитого соплеменника Д. Банзарова, попытку составить полный каталог божеств шаманистской мифологии предпринял бурятский ученый-этнограф М. Н. Хангалов. Как известно, в сакральной традиции монгольских народов издавна существует понятие 99 высших небесных божеств-покровителей. В силу исторических обстоятельств культ тэнгри-небожителей оказался живучим у западных бурят, сохранивших комплекс древних уранических представлений в системе шаманистских верований.

По словам М. Н. Хангалова, исполнение намерения определить пантеон шаманистских божеств представлялось делом «в высшей степени затруднительным», поскольку готового списка богов у самих шаманов — знатоков небесной мифологии не существовало. Все религиозные представления у бурят зиждутся на устной традиции, в силу чего наблюдаются значительная вариативность в теонимии божественных персонажей в зависимости от родоплеменной принадлежности самих информантов. Причем выявляются и локальные отличия в рамках одной и той же религиозно-мифологической традиции [Хангалов, 1958. С. 292].

Составление пантеона шаманистских божеств с четким разделением их на западных и восточных для

М. Н. Хангалова было результатом его многолетних полевых исследований. Надо полагать, что в числе основных информантов М. Н. Хангалова были, помимо шаманов, сказители и другие знатоки старины, оказавшие ему неоценимую помощь. Сейчас трудно установить, от кого именно и какие материалы зафиксированы ученым, так как он как собиратель фольклора не всегда придерживался должной паспортизации, ограничиваясь общим указанием типа «записано у балаганских бурят» [Шерхунаев, 1969. С. 12].

Следует отметить, что тэнгристский пантеон в записи М. Н. Хангалова выглядит не совсем полным: так, из традиционных 55 западных небожителей приводятся имена 53 тэнгриев, наблюдается дублирование некоторых теонимов. Тем не менее каталог шаманистских божеств, составленный М. Н. Хангаловым [Хангалов, 1958. С. 404—411], является, безусловно, первостепенным по важности источником по тэнгристской мифологии бурят-монголов, содержащим теонимию персонажного ряда западных и восточных тэнгриев. Помимо того, автор приводит некоторые мифы, характеризующие жизнь небожителей, их культовую и функциональную специфику. В ряде мест даются бурятские тексты на языке оригинала и с переводом на русский язык (фрагменты из шаманских призываний, характерные фразы и поговорки, дополняющие характеристику отдельных тэнгриев).

В хангаловском списке также обозначена функциональная направленность большой группы небожителей, в которую входит двадцать один тэнгри. Из них более половины (12 тэнгриев) относятся к разряду грозовых и атмосферно-метеорологических божеств. Ярко выраженной громовержеческой функцией наделены Хан Будал и Ясал Саган, спускающие на землю молнии с целью очищения ее от нечистой силы, что сближает их с Хухэдэй Мэргэном — богом-громовержцем в бурятской мифологической традиции. Ряд грозовых тэнгриев (Долон Хохо, Мэндэри, Зада Саган) связаны с такими атмосферно-природными явлениями, как дождь, град и непогода.

Примечательно, что некоторые из грозовых тэнгриев, помимо низвержения громовых стрел — молний, спускают на землю во время грозы так называемый *урак* — густое молоко, или, точнее, «первое молоко коровы», согласно объяснению М. Н. Хангалова [Хангалов, 1958. С. 407]. По поверью бурят, урак приносит его обладателям богатство и изобилие. В этой своеобразной небесной благодати просматривается очевидная связь со скотоводством как основой благосостояния кочевого народа, каковым исторически являлись бурят-монголы. Не случайно в хангаловском списке божества, покровительствующие умножению скота и лошадей, а также молочному хозяйству, образуют вторую по численности группу. Это тэнгри-покровители домашнего скота и изобилия молочных продуктов — Гужир Саган, Иш-

хи Багин (Баян. — *Б. Д.*), Уха Солбон, Хото (Нүтэ. — *Б. Д.*) Бумал, Хурэтэ Багин (Баян), Урак Саган.

Также показательно присутствие тэнгриев, представляющих клан шаманов и небесных кузнецов. Так, указаны функциональные назначения небожителей, покровительствующих белым шаманам и западным хатам (Болур Саган тэнгри), белым кузнецам (Дайбан Хохо тэнгри).

Ценным представляется в хангаловском каталоге упоминание о женах и детях отдельных тэнгриев, как, например, Оёр Монхона, считающегося, по версии ольхонских бурят, отцом могущественных небожителей — Заян тэнгри, Хан Тюрмас тэнгри и др., что позволяет считать его одним из старейших богов в небесной иерархии. Расширяют представление о мире тэнгриев некоторые мифы и легенды, приводимые М. Н. Хангаловым. Например, несомненный интерес представляет миф о земной жене Уха Солбона, взятой им на небо и родившей сына Сокто Мэргэна. По мере возможности М. Н. Хангалов дает сведения о религиозных обрядах (тайлган ухан хату, бумал дэгдэхэ, тэнгэри дудаха, зухэли гаргаха и др.) и призываниях, посвященных определенным тэнгриям. Данное обстоятельство указывает на то, что многие члены пантеона считались объектами реального почитания в шаманистических культах бурят.

Что касается иерархических отношений в сообществе бурятских богов, их трудно определить по хангаловскому списку. Автором был собран и опубликован полевой, первичный материал, без каких-либо попыток его систематизации. Имена божеств, за некоторым исключением, приводятся без перевода на русский язык. Тем не менее обращает на себя внимание, что М. Н. Хангалов [Хангалов, 1958. С. 289—402] открывает свой каталог с верховных богов — Хан Тюрмаса (Хормусты) и Эсэгэ Малана. Первый из них, по представлению балаганских бурят, считается самым старшим среди 55 западных тэнгриев и их главой. Что касается Эсэгэ Малана, то ученый описывает значимость его как культового бога, постоянно упоминаемого в шаманских призываниях, указывает на его иерархическую связь с ведущими божествами-хатами, играющими весомую роль в религиозных представлениях бурят. Он часто упоминается в качестве главного небожителя в обрядовых текстах, песнях и сказках, что указывает не только на его культовую значимость в сакральной традиции, но и на широкую популярность в народе.

Следует сказать, что материалы М. Н. Хангалова по шаманистским божествам послужили основой для работ И. А. Подгорбунского [Подгорбунский, 1894. С. 1—34; 1895. С. 9—19], которые представляют собой первый опыт систематизации и классификации тэнгристского пантеона. Примечательно, что при общей характеристике мира небожителей автор привлекает список монгольских божеств, обосновывая это тем, что мифология бурят и монголов должна рассматриваться как единая в добуддийский период их истории. И. А. Подгорбунским высказан ряд точных замечаний относительно эволюции ура-

нических представлений у кочевников, их тесной эмпирической связи с окружающей природой, объясняющей генезис некоторых культовых персонажей.

С вышесказанным в известной мере перекликается обстоятельная монография Г. Д. Санжеева «Мировоззрение и шаманизм аларских бурят», опубликованная в 1927—1928 гг. в венском этнолингвистическом журнале «Anthgoros». В данной работе автор классифицирует бытующие у бурят шаманистские воззрения, в контексте которых рассматривается сфера небесного культа и ее особенности, представляющие, по мнению Г. Д. Санжеева, достаточно разработанную «мифологическую систему». Им в общих чертах определяется иерархическое устройство мира небожителей, теонимия ведущих тэнгриев [Sandschejew, 1928. S. 974—976], что можно рассматривать как ценное дополнение к материалам М. Н. Хангалова по тэнгризму.

Безусловно, каталог тэнгристских божеств, составленный М. Н. Хангаловым и введенный им в научный оборот, является своего рода каноническим, содержащим основной корпус теонимов небожителей и ряд ценных для их функциональной характеристики сведений с упоминанием культовых обрядов и некоторых мифов. Данный материал служит незаменимым источником не только по воссозданию концепции небесного мироустройства в шаманистской мифологии, ядром которого считается пантеон тэнгриев или «высших существ», по определению М. Н. Хангалова [Хангалов, 1958. С. 403], но и по изучению небесной мифологии монгольских народов.

В связи с вышеизложенным необходимо особо отметить, что сонм тэнгристских божеств в записи М. Н. Хангалова имеет знаковую параллель с пантеоном эпических тэнгриев, представленным в небесном прологе бурятской Гэсэриады [Дугаров, 2007. С. 24—25]. Теонимический ряд в обоих случаях содержит высокий уровень совпадений, что позволяет считать каталог божеств, фигурирующих в Гэсэриаде, идентичным в своей основе хангаловским спискам тэнгристских богов. Подобное положение объясняется единством аксиологического фонда религиозной и эпической мифологии бурят. Многие тэнгрии, упоминаемые в Гэсэриаде, являлись объектом реального почитания в шаманских культах бурят. Хотя божество как объект культа не тождествен тому же божеству в эпической ипостаси, тем не менее это не исключает благоговейного отношения к нему. Как отмечает Е. Г. Рабинович, было важно чтить богов не только посредством священных обрядов, но и упоминанием их в нарративе, что придавало последнему ореол сакральности [Рабинович, 1995. С. 18, 19].

В связи с этим следует отметить, что сам М. Н. Хангалов неоднократно упоминает улигер о Гэсэре как важный источник по уранической мифологии бурят. Так, помимо сведений о божестве Сэгэн Сэбдэге и его дочери Сэсэг Ногон, в хангаловском

каталоге приводятся данные о трех сыновьях Хан Тюрмаса (Хормусты) и среднем из них — Моргон Тоголдоре (Гэсэре), почерпнутые из вышеназванной эпопеи. Оттуда же извлечен, по всей вероятности, этимологический миф, объясняющий появление туманов и сумерек на земле в результате космической битвы, завершившейся победой западных тэнгриев — Гурбан Халхин и Гурбан Эмэршин. Небезынтересно упоминание в тэнгристском пантеоне небожителя Писон Сагана, который, по замечанию М. Н. Хангалова, фигурирует лишь в эпосе «Гэсэр».

Знаменательным представляется указание А. В. Потаниной на значимость эпоса «Гэсэр» как наиболее полного свода мифологических сюжетов и его особого статуса в традиционной бурятской культуре. Будучи хорошо знакома с бытом и духовной жизнью коренных жителей Прибайкалья, их отношением к культовым реалиям, она отмечает, что «самым лучшим руководством для ознакомления с шаманской мифологией, по словам бурят, является героическая поэма о Гэсэр-хане — сыне неба» [Потанина, 1895. С. 6—7]. Действительно, своеобразие бурят-монгольской мифологии, относящейся прежде всего к миру небесных богов и их пантеону в целом, наиболее рельефно отражено в эпосе «Гэсэр», его начальной главе — прологе, где мифологическая картина всего космоса, богов-небожителей и небесная предыстория героя бурятского эпоса — Гэсэра приняла законченно-систематический вид. Общее количество тэнгриев как мифологических единиц первого порядка достигает 99 как знак высокой сакральной информативности текста, что позволяет считать список небесных божеств в пантеоне Гэсэриады наиболее полным каталогом тэнгристских богов, известных в монголоведении.

Феномен монгольского тэнгризма, обретший в бурятской сакральной традиции и эпосе наиболее рельефное воплощение, — явление закономерное. Как отмечает Н. Л. Жуковская, система уранических представлений бурят, в которой на уровне пантеона и теологических представлений сохранился древнемонгольский субстрат, представляет собой наиболее архаичное звено общемонгольской мифологии. Это убедительно подтверждает эпос «Гэсэр», содержащий «мифологическую преамбулу» [Жуковская, 1980. С. 92—113; 2000. С. 55—84]. По мнению венгерского ученого Л. Лёринца, автора первых специальных работ, посвященных монгольской мифологии, именно героические сказания бурят, начало которых связано с небом, служат источниками многих тэнгристских мифов [Lörlincz, 1979. S. 71—73]. В историческом же контексте (от концептов ранней мифологии до синкретических форм, обусловленных влиянием ламаизма) значимость бурятской шаманистской сакральной традиции и Гэсэриады заключается в сохранении многих элементов древнего аксиологического фонда монгольских народов [Lörlincz, 1972. S. 103—114, 124—126].

Таким образом, тэнгристская мифология, квинт-эссенцией которой является пантеон небесных бо-

жеств, демонстрирует важный концепт уранических представлений монгольских народов, связанных с культом неба. Что касается общей характеристики тэнгристского пантеона, особенно ярко выраженной в эпической интерпретации Гэсэриады, то она отражает всю сохранившуюся у бурят сумму представлений о небесном мироустройстве и его генезисе. В архитектонике мира небожителей прослеживаются стадийная преемственность, генеалогические и иерархические отношения между божествами, приведенные в определенную систему, основанную на дуалистическом принципе. Значительную роль в моделировании пантеона и классификации мифологи-

ческих фигур с выделением основных членов патриархальной семьи небожителей играет символика чисел 3, 7, 9, 13, 44, 55, 99, считающихся сакральными в мифологической традиции монгольских народов. Важную «организующую» функцию несут также цветовой и латеральный коды, регулирующие бинарные особенности тэнгристского космоса и теорию персонажного ряда. В целом пантеон небесных божеств, обозначенный в бурятской фольклорной и мифологической традиции, представляется знаковым явлением в тэнгристской мифологии монгольского мира.

Литература

- Банзаров, 1955: *Банзаров Д.* Собрание сочинений. М., 1955 (*Banzarov D. Sobranie sochinenij.* М., 1955).
- Дугаров, 2007: *Дугаров Б. С.* Мифология бурятской Гэсэриады: западные тэнгри. Улан-Удэ, 2007 (*Dugarov B. S. Mifologija burjatskoj Gjesjeriady: zapadnye tjengri.* Ulan-Ude, 2007).
- Жуковская, 1980: *Жуковская Н. Л.* Бурятская мифология и ее монгольские параллели // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980 (*Zhukovskaja N. L. Burjatskaja mifologija i ee mongol'skie paraleli // Simvolika kul'tov i ritualov narodov zarubezhnoj Azii.* М., 1980).
- Жуковская, 2000: *Жуковская Н. Л.* Мир традиционной монгольской культуры. The Edwin Mellen Press. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000 (*Zhukovskaja N. L. Mir tradicionnoj mongol'skoj kul'tury.* The Edwin Mellen Press. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000).
- Подгорбунский, 1894: *Подгорбунский И. А.* Из мифологии бурят и монголов шаманистов // Сибирский вестник, приложение к «Восточному обозрению». Вып. V и VI. Иркутск, 1894 (*Podgorbunskij I. A. Iz mifologii burjat i mongolov shamanistov // Sibirskij vestnik, prilozhenie k «Vostochnomu obozreniju».* Вып. V и VI. Irkutsk, 1894).
- Подгорбунский, 1895: *Подгорбунский И. А.* Шаманистические верования монголов и бурят // Прибавление к «Иркутским епархиальным ведомостям». 1895. № 1—8 (*Podgorbunskij I. A. Shamanisticheskie verovanija mongolov i burjat // Pribavlenie k «Irkutskim eparhial'nym vedomostjam».* 1895. N 1—8).
- Потанина, 1895: *Потанина А. В.* Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895 (*Potanina A. V. Iz puteshestvij po Vostočnoj Sibiri, Mongolii, Tibetu i Kitaju.* М., 1895).
- Рабинович, 1995: *Рабинович Е. Г.* Боги Греции // Гомеровы гимны. М., 1995 (*Rabinovich E. G. Bogi Grecii // Gomerovy gimny.* М., 1995).
- Хангалов, 1958: *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. Т. 1. Улан-Удэ, 1958 (*Hangalov M. N. Sobranie sochinenij.* Т. 1. Ulan-Ude, 1958).
- Шерхунаев, 1969: *Шерхунаев Р. А.* Сказитель Пеохон Петров. Иркутск, 1969 (*Sherhunaev R. A. Skazitel' Peohon Petrov.* Irkutsk, 1969).
- Lörincz, 1972: *Lörincz L.* Die Mongolische Mythologie // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. XXVII (1). Budapest, 1972.
- Lörincz, 1979: *Lörincz L.* Die mythische Hintergrund der burjatischen und mongolischen Epen // Die mongolischen Epen. 1979.
- Sandschejew, 1928: *Sandschejew G.* Weltanschauung und Schamanismus der Alaren-Burjaten // Anthropos. Bd. XXIII, N 5—6. Wien, 1928.

Bair S. Dugarov Tengri mythology: a pantheon of deities and epic interpretation

This article explores the pantheon of deities in the Buryat mythology associated with the cult of the sky. In comparative terms it is considered to be an epic interpretation of the world of the gods, contained in the heavenly prologue to the epic «Geser». The author concludes that the Buryat sacred tradition has preserved many elements of the ancient Mongolian people's axiological foundation. This article is of interest to folklorists, anthropologists and scholars of cultural studies.

Key words: pantheon, mythology, sacred tradition, the heavenly prologue, Epic of King Gesar, the cult of the sky.